

СТЕПАНЧИКОВ Александр Максимович,
магистрант 2 курса Юридического факультета
Федерального государственного автономного
образовательного учреждения высшего образования
«Государственный университет просвещения»,
e-mail: mail@law-books.ru

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ ПО ДЕЛАМ ОБ ЭКСТРЕМИСТСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье автор провел уголовно-правовой анализ составов преступлений экстремистской направленности и выявил ряд правовых проблем в законодательном регулировании и правоприменении. Сделан вывод о том, что видовым объектом этих преступлений выступает безопасность личности через защиту конституционных прав, а не безопасность государства. Автор статьи отмечает, что интернет-пространство признается ключевым инструментом экстремизма, однако требует сбалансированного подхода к регулированию. В связи с выявленными проблемами необходимы законодательные изменения для устранения существующих противоречий и совершенствования практики квалификации экстремистских преступлений.

Ключевые слова: экстремистские преступления, экстремизм, Уголовный кодекс, состав преступления, экстремистский мотив, права человека.

STEPANCHIKOV Alexander Maksimovich,
2nd year master's student of the Faculty of Law
of the Federal State Autonomous Educational Institution
of Higher Education "State University of Education"

PROBLEMS OF LAW ENFORCEMENT PRACTICE IN CASES OF EXTREMIST CRIMES IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. In the article, the author conducted a criminal law analysis of extremist crimes and identified a number of legal problems in legislative regulation and law enforcement. It was concluded that the specific object of these crimes is personal safety through the protection of constitutional rights, and not the security of the state. The article notes that the Internet space is recognized as a key tool of extremism, but requires a balanced approach to regulation. In connection with the identified problems, legislative changes are needed to eliminate existing contradictions and improve the practice of qualifying extremist crimes.

Key words: extremist crimes, extremism, Criminal Code, corpus delicti, extremist motive, human rights.

В действующей редакции Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 г. (далее – УК РФ) под преступлениями экстремистской направленности понимаются деяния, совершенные на почве политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной неприязни, а также вражды в отношении социальных групп. Данное определение закреплено в примечании 2 к статье 282.1 УК РФ и конкретизировано в пункте «е» части 1 статьи 63 УК РФ как квалифицирующий признак. В развитие этих положений Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 года № 11 детализирует, что к экстре-

мистским относятся специальные составы преступлений, предусмотренные статьями 280, 282, 282.1, 282.2, 282.3, 282.4 УК РФ; а также иными составами преступлений, совершенные по экстремистским мотивам, например при квалификации по пунктам «л» ч. 2 ст. 105, «е» ч. 2 ст. 111, «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ; в том числе любые деяния, где экстремистский мотив признанотягчающим обстоятельством. Единообразие данного подхода подтверждается Указанием Генеральной прокуратуры и МВД России от 25 июня 2024 года №462/11/2 [1], закрепившим перечень статей для статистического учета экстремистских преступлений. Следует отметить, что экстремистский

мотив в уголовном праве представляет собой систему специфических побуждений, основанных на различных формах социальной неприязни, что позволяет выделять преступления экстремистской направленности в отдельную категорию. Между тем, в науке уголовного права отсутствует единый подход к определению экстремистского мотива. Часть исследователей придерживается легальной трактовки, детализируя законодательную дефиницию. Так, А.О. Безроков рассматривает экстремистский мотив как родовое понятие, выражающееся в направленности действий виновного не против конкретной личности, а против её принадлежности к определенной социальной, политической или конфессиональной группе [2]. Соглашаясь с этим, следует отметить, что данный мотив реализуется через конкретные формы, перечисленные в пункте «е» части 1 статьи 63 УК РФ. В свою очередь, А.С. Лаврив, опираясь на этимологию термина «экстремизм», определяет экстремистский мотив как предельно обостренную форму социальных чувств; радикальное отрицание охраняемых государством ценностей; бескомпромиссное противопоставление личности существующему нормативному порядку; гипертрофированную приверженность деструктивным идеологическим установкам [3]. Соглашаясь с этим, следует отметить, что преступления экстремистской направленности, несмотря на их расположение в различных главах Особенной части УК РФ, объединяются в самостоятельную уголовно-правовую категорию благодаря наличию специфического мотива, который, несмотря на вариативность научных интерпретаций, остается системообразующим признаком данной группы деяний.

В соответствии с пунктом 2 части 1 статьи 73 УПК РФ [4] мотив подлежит доказыванию по всем уголовным делам, между тем, при квалификации экстремистских преступлений этот элемент приобретает системообразующее значение. Экстремистский мотив выступает обязательным признаком субъективной стороны, и его отсутствие исключает состав преступления. Пленум Верховного Суда Российской Федерации в Постановлении № 11 приводит критерии разграничения экстремистских преступлений и деяний, совершенных на почве личных конфликтов, рекомендуя при квалификации деяний как преступление учитывать характер и продолжительность взаимоотношений обвиняемого и потерпевшего; наличие конфликтов, не связанных с групповой принадлежностью; отсутствие идеологической, расовой или религиозной подоплеки в действиях преступника. Однако данные разъяснения не устраняют терминологической неопределенности законодательных формулировок. Использование законодателем разделительного союза

«либо» между понятиями «ненависть» и «вражда» создает правоприменительную вариативность, усугубляемую смысловой близостью этих категорий.

Исследование материалов уголовных дел и судебных решений по преступлениям экстремистской направленности, совершенным в Российской Федерации [5], позволило выявить различные подходы к формулированию экстремистского мотива. Так, например, в судебной практике используются следующие варианты трактовки экстремистского мотива:

- 1) действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды;
- 2) «действия, направленные на возбуждение ненависти и вражды»;
- 3) действия, направленные на возбуждение вражды. Следует отметить, что в большинстве случаев сохраняется законодательная формулировка с разделительным союзом «либо».

Однако в единичных случаях суд исключает отдельные элементы мотивации как не соответствующие установленным обстоятельствам дела, в частности - указание на «возбуждение ненависти».

А.С. Лаврив обоснованно разграничивает данные понятия, рассматривая ненависть как субъективное чувство, а вражду - как его объективное проявление [3]. Соглашаясь с этим, следует отметить, что, на наш взгляд, в вопросах квалификации деяний экстремистской направленности представляется достаточным указание на мотив вражды как на объективно выраженную форму экстремистской направленности.

В то же время, А.Е. Шалагин и А.Д. Идиятулов считают, что преступное поведение может детерминироваться несколькими взаимодополняющими мотивами, объединенными общей целью [6]. Если мотивы расовой, национальной или религиозной неприязни в целом понятны без специального толкования, то мотивы политической и идеологической вражды, а также ненависти к социальным группам оставляют простор для свободного толкования. Неопределенность этих терминов, допускающая расширительное толкование, стала предметом обоснованных научных дискуссий. Например, мотив политической ненависти или вражды корреспондирует с понятием политики как сферы социальных отношений, где решения принимаются через дискуссию и компромисс либо посредством применения властных полномочий. Е.А. Таюрская объясняет политическую ненависть или вражду в исследуемых диспозициях преступлений экстремистской направленности как негативное отношение виновного к субъектам, участвующим в процессах формирования и реализации власти на

различных уровнях государственного управления [7]. Между тем, А.А. Можегова расширяет эту формулировку определения «политическая ненависть или вражда», включая в него отрицательное отношение к деятельности институтов государственной власти и управления; политических партий и общественных объединений; иных структур, чья деятельность определяется идеологическими установками [8]. Соглашаясь с этим, следует привести пример реализации данного мотива, которыми являются материалы уголовного дела в отношении гр. Г., который под влиянием информации экстремистского характера, содержащейся в телеграмм-каналах, поддерживающих вооруженные силы Украины, стало приверженцем террористической идеологии и практики ВС Украины. Являясь осведомленным о целях и задачах ВС Украины, лицо Г. начало разделять, поддерживать взгляды и деятельность ее участников, направленные на совершение террористических актов, обстрелов, подрывов, а также иных акций устрашения в отношении ВС России и мирного населения Российской Федерации. Кроме того, являясь противником проведения ВС России СВО, по мотивам политической, идеологической ненависти, основанной на неприязненном отношении к государственной власти, политическому и конституционному строю Российской Федерации, разделяющего террористическую идеологию и практику ВС Украины, связанную с совершением террористических актов, обстрелов, подрывов, иных акций устрашения в отношении военнослужащих ВС России и мирного населения Российской Федерации, признавая указанные преступные действия ВС Украины правильными, нуждающимися в поддержке и подражании, возник преступный умысел, направленный на публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдания терроризма, с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», за что был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 205.6 УК РФ [9]. Таким образом, следует отметить, что преступления, совершаемые по мотивам политической ненависти или вражды, могут основываться как на неприязни определенного политического курса, так и на негативном отношении к носителям конкретных политических взглядов. При этом важно разграничивать такие преступные деяния с политическими преступлениями, непосредственно направленными против основ государственного строя.

Необходимо отметить, что идеология представляет собой систему взглядов и концепций, характеризующих определенную социальную общность. Целенаправленное противодействие

распространению альтернативных мировоззренческих позиций формирует идеологический мотив преступления. В то же время необходимо отметить проблематичность использования в правоприменительной практике термина «идеологический» в контексте мотивации преступного поведения. Так, например, И.А. Кияткина отмечает единую природу преступлений, совершаемых по мотивам политической, идеологической и социальной ненависти, проводя параллель с деяниями, основанными на национальной, расовой или религиозной розни [10]. Во всех случаях потерпевший подвергается преследованию не в силу индивидуальных характеристик, а из-за принадлежности к иной социальной группе, политической организации или идеологическому течению. Ключевым признаком выступает случайность выбора конкретной жертвы при целенаправленности воздействия на представляемую ею общность. Соглашаясь с этим, следует также отметить, что анализируемые мотивы существенно повышают общественную опасность преступных деяний. Потенциальной жертвой может стать любой человек, чьи идеологические, политические, религиозные, национальные или расовые характеристики или взгляды отличаются от взглядов носителя экстремистской идеологии. Это обуславливает повышенную опасность таких преступлений как для отдельных лиц, так и для общества в целом.

При этом законодательного закрепления понятие «социальная группа» в контексте мотива ненависти или вражды не получило. На наш взгляд представляется возможным предположить, что в данном контексте применительно к термину «социальная группа» имеются в виду крупные социальные общности, поскольку неприязнь к отдельной семье или хоккейной команде вряд ли может рассматриваться как проявление экстремизма. Тем не менее, отсутствие четких законодательных критериев социальной группы создает существенные сложности в правоприменительной практике. Подобная расширительная трактовка вызывает обоснованные проблемы при квалификации тех или иных преступных деяний, поскольку, как считает К.И. Бринев, любой потерпевший объективно принадлежит к какой-либо социальной группе [11]. Соглашаясь с этим, следует также отметить, что такой законодательный пробел порождает правовую неопределенность в разграничении бытовых конфликтов и преступлений экстремистской направленности.

На наш взгляд, существует реальная опасность расширительного толкования термина «социальная группа». В случаях, когда отсутствуют мотивы ненависти или вражды к политическим, идеологическим, расовым, национальным или религиозным группам, обвинение может

использовать данную категорию как «резервную», что приводит к размыванию оснований уголовной ответственности и создает риски необоснованного привлечения к уголовной ответственности.

Использование информационно-телекоммуникационных сетей закреплено в качестве квалифицирующего признака составов преступлений, предусмотренных в ст. 280 и ст. 282 УК РФ. При этом уголовно-правовая оценка варьируется в зависимости от состава преступления: при публичных призывах к экстремизму использование интернета образует квалифицированный состав по ч. 2 ст. 280 УК РФ, а при возбуждении вражды или унижении достоинства данный способ входит в основной состав преступления по ч. 1 ст. 282 УК РФ. В обоих рассматриваемых составах преступлений применение информационно-телекоммуникационных сетей неразрывно связано с признаком публичности. Согласно разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ в пунктах 4 и 7 Постановления № 11 от 28 июня 2011 года, к публичным способам распространения информации относятся размещение материалов на интернет-ресурсах (сайтах, форумах, блогах); массовая рассылка электронных сообщений; иные действия, ориентированные на последующее ознакомление неограниченного круга лиц. Между тем, достаточно дискуссионным, на наш взгляд, является нормативное закрепление данного признака в статьях 280 и 282 УК РФ, учитывая схожую степень общественной опасности и значительное сходство составов этих преступлений. Представляется, что существующая дифференциация в регламентации способов совершения анализируемых преступлений обусловлена недостатками законодательной техники, а не объективными различиями в их общественной опасности.

Уголовно-правовая значимость использования информационно-телекоммуникационных сетей выходит за рамки основного состава преступления. В соответствии с положениями Общей части УК РФ, приготовление к тяжким и особо тяжким преступлениям экстремистской направленности также влечет уголовную ответственность. К таким деяниям относятся часть 2 статьи 282 УК РФ и статьи 282.1, 282.2, 282.3 УК РФ. Между тем, Верховный Суд Российской Федерации признал распространение экстремистских материалов через цифровые каналы связи одним из основных способов вовлечения лиц в деятельность запрещенных структур. Также в Стратегии противодействия экстремизму [12] отмечается, что информационно-телекоммуникационные сети стали ключевым инструментом экстремистских и террористических организаций для вербовки новых сторонников, координации преступной деятельности и распространения деструктивной

идеологии. Особую актуальность эта проблема приобретает в контексте возрастного состава интернет-аудитории, где преобладает молодежь, демонстрирующая повышенную восприимчивость к экстремистскому влиянию.

Квалификационный признак использования сетевых ресурсов распространяется на все электронные платформы, функционирующие в киберпространстве, независимо от их правового статуса как СМИ, при обязательном учете следующих обстоятельств: контекст и способ распространения информации; содержательные характеристики материалов; наличие и содержание пользовательских реакций. Н.Р. Шевко считает, что возрастание криминальной активности в информационном пространстве, обусловленная технологическим прогрессом, детерминировала адекватную законодательную реакцию, направленную на предотвращение экстремистской деятельности в киберпространстве [13]. При этом, на наш взгляд, представляется необходимым соблюдение баланса между противодействием экстремизму и сохранением информационной ценности цифровых коммуникаций, что требует взвешенного подхода к установлению правовых ограничений.

Таким образом, проведенный уголовно-правовой анализ составов преступлений экстремистской направленности выявил ряд правовых проблем в законодательном регулировании и правоприменении. Ключевые выводы заключаются в следующем: видовым объектом этих преступлений выступает безопасность личности через защиту конституционных прав, а не безопасность государства. Также существует ряд проблем, влияющих на квалификацию преступлений экстремистской направленности: отсутствуют четкие критерии разграничения смежных составов, в частности статей 280 и 282 УК РФ, наблюдается терминологическая неопределенность таких понятий как «ненависть», «вражда», «социальная группа», а также имеет место конкуренция квалификаций между экстремистским хулиганством и насильственными действиями экстремистской направленности. Субъективная сторона преступлений экстремистской направленности характеризуется тем, что экстремистский мотив является системообразующим признаком, однако требует более четкого законодательного определения. Выявлены многочисленные технико-юридические недостатки: избыточное сходство диспозиций статей 282.1 и 282.2 УК РФ, терминологические противоречия между Общей и Особенной частями УК РФ, а также неопределенность критериев финансирования экстремизма. Отдельно отмечается, что интернет-пространство признается ключевым инструментом экстремизма, однако требует сбалансированного

подхода к регулированию. В связи с выявленными проблемами необходимы законодательные изменения для устранения существующих противоречий и совершенствования практики квалификации экстремистских преступлений.

Список литературы:

[1] Указание Генпрокуратуры России, МВД России от 25 июня 2024 года №462/11/2 О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности - <https://rulaws.ru/>

[2] Безроков, А. О. Содержательный аспект мотива преступления или мотив как критерий объединения преступлений экстремистской направленности в самостоятельную группу по признакам единства объекта / А. О. Безроков // Социально-гуманитарные знания. – 2013. – № 11. – С. 310.

[3] Лаврив, А. С. Сущностные черты преступлений экстремистской направленности / А. С. Лаврив // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2012. – № 1-2(15). – С. 118.

[4] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 01.09.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации, № 52 (I часть), 24.12.2001, ст.4921

[5] Приговор Сыктывкарского городского суда Республики Коми по делу № 1-530/2025 от 4 июня 2025 г.; Приговор Советского районного суда г. Уфы Республики Башкортостан по делу № 1-496/2024 от 9 декабря 2024 г.; Приговор Кызылского городского суда Республики Тыва по делу № 1-1600/2024 от 30 октября 2024 г.; Приговор Семеновского районного суда Нижегородской области по делу № 1-170/2024 от 15 августа 2024 г.; Приговор Батайского городского суда Ростовской области по делу № 1-234/2024 от 4 июля 2024 г.; Приговор Шолоховского районного суда Ростовской области по делу № 1-144/2024 от 30 сентября 2024 г.; Приговор Сургутского городского суда Ханты-Мансийского автономного округа-Югра по делу № 1-934/2024 от 11 июня 2024 г.; Приговор Каспийского городского суда Республики Дагестан по делу № 1-275/2024 от 15 мая 2024 г.; Приговор Ленинского районного суда г. Махачкалы Республики Дагестан по делу № 1-713/2022 от 11 ноября 2022 г.; Приговор Теучежского районного суда Республики Адыгея по делу № 1- 82 /2020 г. от 4 сентября 2020 года.

[6] Шалагин, А. Е. О мотивации преступного и суицидального поведения / А. Е. Шалагин, А. Д. Идиятуллов // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2019. – № 3(37). – С. 365.

[7] Таюрская, Е. А. Политическая, идеологическая, национальная, расовая, религиозная ненависть или вражда как мотивы совершения преступления / Е. А. Таюрская // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2009. – № 3(50). – С. 25.

[8] Можегова, А. А. Экстремистские преступления и преступления экстремистской направленности по Уголовному праву Российской Федерации : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Можегова Анастасия Анатольевна, 2015. – 49 с.

[9] Приговор Абаканского городского суда Республики Хакасия по делу № 1-477/2025 от 25 июля 2025 г.

[10] Кияткина, И. А. Разграничение мотива религиозной ненависти или вражды и мотива национальной ненависти или вражды / И. А. Кияткина // Пробелы в российском законодательстве. – 2017. – № 5. – С. 118.

[11] Бринев, К. И. Методологические проблемы лингвистической экспертизы: определение сущности экстремизма / определение понятия «социальная группа» / К. И. Бринев // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2012. – № 2(50). – С. 120.

[12] Указ Президента Российской Федерации от 28 декабря 2024 № 1124 Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации, № 53 (ч.1), 30.12.2024, ст.8669

[13] Шевко, Н. Р. Особенности противодействия преступности в киберпространстве / Н. Р. Шевко // Актуальные проблемы правового, экономического и социально-психологического знания: теория и практика : материалы VI Международной научно-практической конференции, Донецк, 28 апреля 2022 года. Том 1. – Донецк: Цифровая типография, 2022. – С. 326.

References:

[1] Directive of the Prosecutor General's Office of Russia, the Ministry of Internal Affairs of Russia dated June 25, 2024 No. 462/11/2 On the introduction of lists of articles of the Criminal Code of the Russian Federation used in the formation of statistical reporting - <https://rulaws.ru/>

[2] Bezrokov, A. O. The substantive aspect of the motive of the crime or motive as a criterion for combining extremist crimes into an independent group on the grounds of the unity of the object/A. O. Bezrokov//Social and humanitarian knowledge. – 2013. – № 11. - S. 310.

[3] Lavriv, A. S. Essential features of extremist crimes/A. S. Lavriv//Historical, philosophical, politi-

cal and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice. – 2012. – № 1-2(15). – S. 118.

[4] Code of Criminal Procedure of the Russian Federation of 18.12.2001 No. 174-FZ (as amended on 01.09.2025) //Collection of Legislation of the Russian Federation, No. 52 (I part), 24.12.2001, Article 4921

[5] Verdict of the Syktyvkar City Court of the Komi Republic in case No. 1-530/2025 of June 4, 2025; The verdict of the Sovetsky District Court of Ufa of the Republic of Bashkortostan in case No. 1-496/2024 of December 9, 2024; The verdict of the Kyzyl City Court of the Republic of Tyva in case No. 1-1600/2024 of October 30, 2024; The verdict of the Semenovskiy District Court of the Nizhny Novgorod Region in case No. 1-170/2024 of August 15, 2024; The verdict of the Batayskiy City Court of the Rostov Region in case No. 1-234/2024 of July 4, 2024; The verdict of the Sholokhovskiy District Court of the Rostov Region in case No. 1-144/2024 of September 30, 2024; The verdict of the Surgut City Court of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug-Ugra in case No. 1-934/2024 of June 11, 2024; The verdict of the Caspian City Court of the Republic of Dagestan in case No. 1-275/2024 of May 15, 2024; The verdict of the Leninskiy District Court of Makhachkala of the Republic of Dagestan in case No. 1-713/2022 of November 11, 2022; The verdict of the Teuchezhskiy District Court of the Republic of Adygea in case No. 1-82/2020 of September 4, 2020.

[6] Shalagin, A.E. On the motivation of criminal and suicidal behavior/A.E. Shalagin, A.D. Idiyatullof//Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2019. – № 3(37). – S. 365.

[7] Tayurskaya, E. A. Political, ideological, national, racial, religious hatred or enmity as motives for committing a crime/E. A. Tayurskaya//Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2009. – № 3(50). – S. 25.

[8] Mozhegova, A. A. Extremist crimes and extremist crimes under the Criminal Law of the Russian Federation: specialty 12.00.08 “Criminal Law and Criminology; criminal executive law”: dissertation for the degree of candidate of legal sciences/Mozhegova Anastasia Anatolyevna, 2015. – 49 s.

[9] The verdict of the Abakan City Court of the Republic of Khakassia in case No. 1-477/2025 of July 25, 2025

[10] Kiyatkin, I. A. Delimitation of the motive of religious hatred or enmity and the motive of national hatred or enmity/I. A. Kiyatkin//Gaps in Russian legislation. – 2017. – № 5. – S. 118.

[11] Brinev, K. I. Methodological problems of linguistic expertise: determining the essence of extremism/defining the concept of “social group”/K. I. Brinev//Bulletin of Kemerovo State University. – 2012. – № 2(50). – S. 120.

[12] Decree of the President of the Russian Federation of December 28, 2024 No. 1124 On approval of the Strategy for Countering Extremism in the Russian Federation//Collection of Legislation of the Russian Federation, No. 53 (part I), 30.12.2024, article 8669

[13] Shevko, N. R. Features of countering crime in cyberspace/N. R. Shevko//Actual problems of legal, economic and socio-psychological knowledge: theory and practice: materials of the VI International Scientific and Practical Conference, Donetsk, April 28, 2022. Volume 1. - Donetsk: Digital Printing House, 2022. – S. 326.

ЮРКОПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.